

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Петухов

Демократия и возможности социальной мобильности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Demokratiya_i_vozmognosti.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Петухов В.В.

ДЕМОКРАТИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ¹

Демократия, как известно, это не просто статичный набор некоторых ценностей и институтов, возникающих раз и навсегда, но процесс ее развития, укоренения в ткани общественной жизни, либо, наоборот, ее сужения, угасания, деградации. Соответственно, будучи в значительной степени «самонастраивающейся системой», демократия не может работать сама по себе, она нуждается в людях, поведение которых отвечало бы запросам современного общества. Такое общество предполагает чрезвычайно высокий уровень вовлеченности людей в сети социального взаимодействия, с одной стороны, а с другой, предлагает обширный выбор «программ» активности, возможностей гражданам проявить себя в самых разных областях и сферах жизни общества. Но это — в идеале. В действительности все обстоит гораздо сложнее.

Пятнадцать лет посткоммунистической трансформации России уже дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии еще не означает его «современности», также как нет жесткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Новые экономические и политические условия, возникшие в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг., безусловно, оказали весьма существенное влияние (хотя и не всегда прямое) на человеческую жизнедеятельность, создали для нее новые возможности и новые ограничители, также, как в свое время на эту деятельность оказывали влияние плановая экономика и советский политический режим.

Неслучайно, характер влияния новых условий оценивается по-разному, зачастую с прямо противоположных позиций. Одни исследователи, как, например, известный польский социолог П. Штомпка, подчеркивают, что движение по пути реформ ведет, хотя и с серьезными издержками, к преодолению «антидемократического синдрома» (страха перемен, настороженности и недоверия ко всему новому, нежеланию нести ответственность за себя и безынициативности). Оценивая итоги посткоммунистической трансформации во многих странах Восточной Европы, он констатирует, что «пришествие демократии и рынка знаменует собой раскрытие безграничных возможностей человека, рост результативности их усилий, веру в себя, решимость и готовность

---

¹ В настоящей статье использованы результаты общероссийских социологических исследований ИКСИ РАН и ВЦИОМ за 1996-2006 гг.

рисковать»². Некоторые российские исследователи, в их числе И. Дискин, также считают, что вследствие посткоммунистической трансформации «Россия становится европейской страной не только по принадлежности к европейской культуре и своему вкладу в нее. Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на все деформации, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор»³. Примерно об этом же говорят известные российские социологи Т. Кутковец и И. Клямкин, подчеркивая, в частности, что вектор развития российского общества, вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. А представления о «народоовооще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, неспособных на самостоятельную и ответственную инициативу, — миф⁴.

Другие российские ученые, в частности, В. Федотова крайне резко оценивают как характер самой трансформации, так и те нравы, которые в ее результате начинают доминировать в российском обществе. В происходящих в стране процессах она видит, прежде всего, архаизацию сознания и поведения очень многих людей, причем осуществляемую с подачи власти в обмен на лояльность. По ее мнению, Россия получила такой «удар капитализма», от которого она не в состоянии оправиться до сих пор. Отсюда — посттоталитарная травма, посттоталитарная апатия, выражаемая в синдроме недоверия, мрачном взгляде на будущее, ностальгии по прошлому, которая, по ее мнению, радикально отличается от «пресыщенной апатии» Запада⁵.

На снижение «жизненной энергии», нарастающую апатию россияне обращают внимание и другие авторы. В частности, многие к числу тревожащих противоречий российской жизни относят противоречие между, казалось бы, значительным расширением возможности для самореализации людей в самых разных сферах и областях жизни, снятием разного рода «препонов», существовавших ранее, с одной стороны, и снижающимся уровнем востребованности этих возможностей, с другой. Н. Патрушев объясняет это тем, что россиянам в массе своей присуще стремление пользоваться благами современной цивилизации,

² Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 6.

³ Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et contra. М., 1999. Том 4. № 3. С. 34.

⁴ Кутковец Т, Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране / Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М.: Колибри, 2005. С. 51-52.

⁵ Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1. С. 41.

которое, однако, не сопровождается стремлением что-то менять в жизни и, прежде всего, господствующие нормы и привычный образ действий. То есть, он фиксирует почти то же самое, что и Федотова: не преодоление «посттоталитарной травмы», а пассивное приспособление и адаптация к ней⁶.

Наконец, довольно широко распространена точка зрения, согласно которой произошедшие в стране перемены, хотя и существенно изменили социальную структуру общества, но не привели ни к появлению сильного массового многочисленного среднего класса, ни к повышению социальной и политической интеграции общества. Наоборот, общество распадается на сегменты, фрагментируется. Основная масса населения продолжает существовать в рамках традиционной модели жизнеустройства, но одновременно появляются островки современности, прежде всего в мегаполисах, представители которых являются чуть ли не единственными носителями социально-политической активности. Так, Ю. Афанасьев подчеркивает, что «давно пора признать тот факт, что мы — бедная отсталая страна», а усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная простота, являясь элементами традиционного общества, также наша характерная особенность. Другая, не менее важная особенность России, по Афанасьеву, это несовременное, мифологическое, нерациональное сознание ее граждан⁷.

Итак, вопрос, является ли Россия современным обществом, и если да, то обладает ли она человеческим потенциалом, адекватным потребностям этого общества, является сегодня как никогда актуальным. Не менее важен и вопрос о том, с чем же мы в действительности имеем дело: с посттоталитарной травмой, апатией, снижением жизненной энергии россиян или же с перераспределением потоков этой энергии, плюрализацией тех форм, в которых она реализуется, а также тех объектов, на которые она направлена. Ответ на этот вопрос имеет прямое отношение к рассматриваемой проблеме, ведь одной из важнейших характеристик укоренения демократических институтов и ценностей в обществе является, как известно, не только соответствующий уровень политической культуры, но и социальная мобильность, рационально-активистская модель социального действия по «освоению» имеющихся в обществе политических и экономических ресурсов. И наоборот, низкий уровень социальной мобильности, как отмечает З. Бауман, является в наши дни главным мерилом социального беспорядка и несвободы.⁸

⁶ Патрушев С. В. Доверие, симпатия и эмпатия: российское поведение в российском социуме // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006. С. 329.

⁷ Афанасьев Ю.Н. Россия — несовременная страна // Свободная мысль. 2004. № 11. С. 7-8.

⁸ З.Бауман. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 49.

Если обратиться к исследованиям, то они, как и следовало ожидать, однозначных ответов о степени современности нашего отечества не дают. Речь скорее может идти о том, что современное российское общество многослойно и фрагментировано и в нем присутствуют «носители» самых разных укладов, моделей поведения и сознания. Это подтверждают данные одного из исследований ИКСИ РАН, в ходе которого автором была предпринята специальная попытка эмпирически вычленить группы и слои, реализующие, условно говоря, рационально-активистскую модель поведения, и тех, кто является носителями более традиционных, инертных форм адаптации к окружающей действительности.

Выявление искомым групп осуществлялось не столько на основе прямых показателей, сколько косвенно, путем выявления склонности респондентов к социально активному или социально инертному типу восприятия действительности. Так, к критериям «активности» современности были отнесены ориентации на собственные силы, независимость, соревновательность, приоритет ценностей индивидуальной свободы и собственного благополучия, стремление к переменам, ориентация на отстаивание собственных интересов и прав. Инертность же, традиционализм замерялись через стремление к стабильности, жить «как все», не выделяясь, патерналистские ориентации, приоритет приспособления к окружающей реальности.

С этой целью респондентам был предложен набор из нижеприведенных семи альтернативных парных суждений⁹:

- **опора на собственные возможности — ориентация на поддержку государства** («я смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства» (40%); «без поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно» (59%);
- **ориентация на перемены — ориентация на статус-кво** («мне нравятся перемены, жить в меняющемся обществе» (42%); «все перемены к худшему, пусть лучше жизнь остается такой же, как и прежде» (56%);
- **ориентация на личную независимость, самостоятельность — подчинение внешним обстоятельствам** («человек сам кузнец своего счастья, и успехи и неудачи — все в его руках» (46%); «жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями» (53%);

⁹ Для выявления групп с той или иной доминантой мировосприятия (активного или инертного) использовалось группировка респондентов, сделавших выбор первых или вторых суждений в большинстве случаев (в пяти и более из семи предложенных пар суждений). При осуществлении группировки на активные и инертные группы в массиве данных были исключены две возрастные когорты (молодежь до 21 года и респонденты старше 60 лет).

- **ориентация на соревновательность, конкуренцию — уравнительность** («конкуренция — это хорошо. Она заставляет людей напряженно трудиться, побуждает выдвигать новые идеи» (71%); «конкуренция вредна, она усиливает в человеке его дурные стороны» (26%);
- **выделяться среди других — жить как все** («выделяться среди других лучше, чем жить, как все» (36%); «жить как все лучше, чем выделяться среди других» (62%);
- **ориентация на инициативность, предприимчивость — уважение к сложившимся обычаям, традициям** («главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве» (54%); «главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям» (44%);
- **ориентация на отстаивание собственных интересов и прав — на приспособление к реальности** («чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться» (57%); «нужно уметь приспособливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней» (41%).

Из приведенных распределений видно, во-первых, наличие высокого уровня альтернативности в оценках респондентами ситуаций, которые в той или иной степени содержали активную или инертную компоненту. И, во-вторых, сочетание, с одной стороны, важности для большинства россиян стабильности в обществе, государственного патронажа и нежелания выделяться из окружающей социальной среды (жить как все), а с другой, — выбор большинством опрошенных ориентации на индивидуальную самореализацию, инициативность, предприимчивость и готовность, что называется, бороться «за место под солнцем».

Что же касается предпринятой группировки, то, как и следовало ожидать, она не выявила доминирования одного из двух исследуемых типов мировоззрения: активный тип составил 37%, традиционалистски-инертный — 29%. Остальные же 35% можно отнести к некоему смешанному типу¹⁰. Результаты исследования подтвердили также то очевидное обстоятельство, что активистски ориентированные группы включают в себя, прежде всего, более образованных, обеспеченных людей молодых и средних возрастов (см. табл. 1).

¹⁰ Очень близкие результаты были получены в ходе исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века», проведенного И. Клямкиным и Т. Кутковец. По их данным, сторонниками модернистской альтернативы (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь) являются 33% населения. Тогда как приверженцев традиционалистски-патерналистских устоев — 29%. См.: Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М.: Колибри, 2005. С. 51.

Таблица 1. Распространение активных и пассивных моделей социального поведения среди различных возрастных групп, (%)

Социально-демографические характеристики	Весь массив	Тип поведения	
		Активный	Инертный
Возраст			
22-26 лет	12	20	5
27-30 лет	10	15	7
31-40 лет	26	31	18
41-50 лет	29	21	37
51-60 лет	22	13	33
Самооценка уровня материального обеспечения			
Высоко- и средне материально обеспечены	47	63	22
Низко материально обеспечены	50	35	63
Живут за чертой бедности	6	1	14

Итак, в современной России нет особого дефицита людей, «заряженных» на реализацию активных жизненных стратегий. Вопрос заключается в том, насколько «вербальный» активизм трансформируется в успешные практики. С этой точки зрения, значительный интерес представляет сравнительный анализ самооценок респондентами ВЦИОМ в 2005 г., с одной стороны, того, к чему они стремятся, а с другой, — чего им уже удалось добиться в реальной жизни. Судя по ниже приведенным данным, целый ряд сфер приложения жизненной энергии находится вне поля внимания значительного числа россиян (от 50% до 80%). Это, прежде всего, достижение популярности, известности («стать знаменитым»), доступ к власти, попадание в элиту и создание собственного бизнеса, что связано, по всей видимости, с отчетливым пониманием того, что эти цели — удел единиц, и они не могут рассматриваться в качестве мотивирующих подавляющим большинством.

Что же касается всех остальных сфер приложения жизненной энергии, то они также делятся на две группы. Одна из них связана с ценностями частной жизни, где, судя по результатам исследований, у россиян особых проблем не возникает. К ним, прежде всего, относятся такие сферы достижения, как семья, наличие друзей, воспитание хороших детей, честно прожитая жизнь. Все эти цели были названы либо в числе того, чего уже удалось добиться, либо чего они еще планируют добиться (см. рис. 1).

Вторая, основная группа предполагает тот или иной уровень активизма, собственных усилий, и здесь мнения респондентов уже не столь единодушны. Прежде всего, с точки зрения возможностей социальной мобильности. Значительное число респондентов уже добилось того, чего хотели или считают, что им это по силам в отношении получения хорошего образования, возможности заниматься любимым делом, иметь

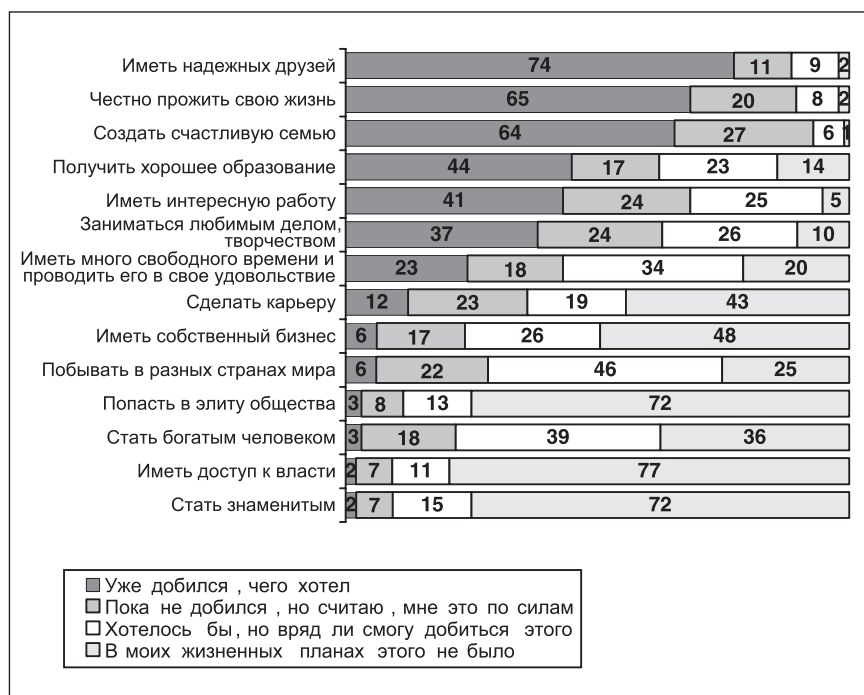

Рис. 1. Оценка значимости и степени достижения жизненных целей, (%)

интересную работу. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что от трети до 40% россиян крайне скептически оценивают собственные возможности в достижении этих базовых жизненных целей. Еще более скромно оцениваются возможности роста материального благосостояния. Лишь 15% отметили достижение приемлемого для себя уровня материального положения, еще 40% надеются, что им удастся этого достигнуть, в то время, как столько же уже сейчас заявляют, что добиться этого не смогут никогда. А о возможности стать богатым человеком подавляющее большинство россиян даже и не мечтают. Очень многие хотели бы иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие, заниматься творчеством, побывать в разных странах мира, сделать карьеру и получить статусную работу, тем не менее большинство опрошенных склоняется к тому, что это скорее мечта, которая вряд ли когда-нибудь осуществится. Хотя, с другой стороны, в стремлении к самосовершенствованию (духовному, интеллектуальному, физическому), судя по результатам опроса, нет особых внешних преград и очень многие респонденты считают, что такое совершенствование вполне им под силу.

Рис. 2. Если говорить о вашей семье, какие цели Вы, члены вашей семьи ставите перед собой?

Таким образом, в России существуют достаточно многочисленные группы и слои (по меньшей мере, треть населения), делающие выбор в пользу социализации «модерного» типа, которая носит открытый и динамичный характер, предполагающий повышенный градус активности. Причем, многие из них ориентированы по выражению Р. Инглхарта, на «постматериальные» ценности или ценности «самовыражения». Конечно, это не отменяет того факта, что ориентации материального порядка для россиян остаются доминирующими. Да и те, кто заявляют о значимости творческой самореализации, вовсе не идеалисты, рассматривающие реализацию своих творческих способностей исключительно в категориях самовыражения. Напротив, судя по результатам опросов, это вполне практичные, рациональные люди, характеризующиеся высокой степенью адаптированности к произошедшим в стране переменам, особенно на фоне других групп.

Последние исследования ВЦИОМ (апрель 2006 г.) также подтверждают тот факт, что в России сформировались две субкультуры, несколько отличающиеся представлениями о желаемых жизненных целях и приоритетах. Одна характеризуется высоким уровнем жизненных притязаний, «достижительными» стратегиями, в основе которых лежит устойчивая убежденность в том, что достигнуть тех или иных жизненных целей, возможно только опираясь на собственные силы.

Есть и такие, и их пока заметно больше, чье поведение характеризуется избеганием труднореализуемых целей путем снижения планки жизненных притязаний, то есть, по сути, «стратегией избегания». Соотносятся эти группы между собой в пропорции примерно 1 к 2. Тех, для кого приоритетом является либо просто выживание, либо жить не хуже других сегодня 63%. Тех же, кто полагает, что может жить лучше других либо не хуже, чем среднестатистический европеец, почти в два раза меньше — 34%. При этом доля пессимистов все же снижается, а число тех, кто рассчитывает на реализацию «достижительных стратегий» растет с 24% в 1998 г. до 34% в настоящее время (см. рис. 2).

Ориентированных же на западные стандарты качества и уровня жизни также заметно больше среди молодежи и высокообеспеченных (по самооценкам) респондентов, жителей мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга — 23, 27 и 28% соответственно. Те, кто не видит никакой иной перспективы в жизни, кроме, как простого выживания, сконцентрированы, как и следовало ожидать, в самой старшей возрастной группе. А на стратегию «жить как все» и «жить не хуже других» — в российской глубинке. Обращает на себя внимание и то, что в столицах самый высокий уровень дифференциации жизненных притязаний. Здесь больше не только тех, кто ориентирован на западные стандарты жизни и потребления, но и тех, для кого физиологическое выживание является проблемой.

Таким образом, мы видим, что в России, как и в любой другой стране мира, может быть в несколько иной пропорции, чем в развитых странах, но все же уживаются и рациональная культура, в основе которой лежит устремление к успеху, ценностям самовыражения и «культура выживания», приспособления к существующим условиям и обстоятельствам жизни. Специфика же России состоит в том, что сегодня людям, даже заряженным на успех, очень трудно реализовать, по выражению Ю. Левады, «повышенную модель адаптации», когда удается использовать новые возможности для достижения тех или иных жизненных стратегий. Лишь 7% опрошенных, по результатам апрельского 2006 г. опроса ВЦИОМ, заявили о том, что им удалось изменить жизнь к лучшему, добиться большего, используя возможности, которые появились в последнее десятилетие. Тогда как для 41% россиян их жизнь — это своеобразный «бег на месте», ориентированный на сохранение «статус-кво», требующий при этом значительных затрат жизненной энергии. Причем доля «вертящихся» постоянно растет (с 30% в 1994 г. до 38% — в 1999 г. и 41% в 2006 г.). Немало и тех, кто свыкся с обстоятельствами жизни и живет, как жил раньше. Их доля колеблется, прежде всего, за счет дезадаптантов, число которых сразу после дефолта подскочило с 23% в 1994 г. до 33% в 1999 г., а затем вновь снизилось почти в два раза до 16% в 2006 г. (см. рис. 3).

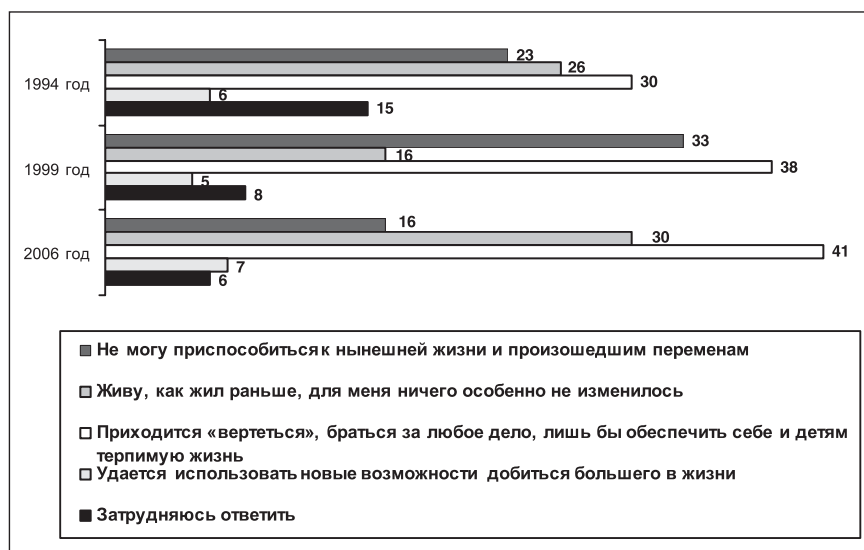

Рис. 3. Оценка уровня адаптированности к происходящим в стране переменам

И в этом случае главным дифференцирующим фактором выступают возраст и материальное положение респондентов, а также их образование. Чем моложе, образованнее человек, чем выше его материальное положение, тем чаще ему удастся не просто обеспечить себе и своей семье более или менее достойную жизнь, но и добиться заметных успехов в жизни. В то же время далеко не всем представителям этих групп удастся конвертировать свой человеческий капитал (образование, квалификацию, опыт) в материальный достаток. Большинство, например, респондентов с незаконченным высшим, высшим образованием вынуждены подрабатывать, браться за любое дело лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь. То же самое можно сказать и о респондентах, относящих себя к среднему слою, и возрастным группам 25–44 года (см. табл. 2).

Иначе говоря, самая активная, дееспособная часть общества живет в условиях постоянного психологического и физического напряжения, тратя основную часть своей жизненной энергии в основном для сохранения более или менее сносных условий жизни. А возможности для социальной мобильности, судя по вышеприведенным данным, за последние десять лет не стало больше. Это — одно из объяснений того, что «голос российского среднего класса», если и слышен, то не очень отчетливо. И это, несмотря на то, что количественный его рост, по крайней мере, по самооценкам, за последние 5–6 лет значителен.

Таблица 2. Оценка уровня адаптированности к происходящим в стране перемен респондентами разных социальных групп, %

		Не могу приспособиться к нынешней жизни	Живу, как жил раньше	Приходится «вертеться»	Удается использовать новые возможности
	Всего опрошенных	16	30	41	7
Возраст (лет)	18—24	6	38	33	15
	25—34	8	24	51	11
	35—44	8	20	61	6
	45—59	16	30	45	6
	60 и старше	40	39	13	1
Оценка материального положения	Очень хорошее, хорошее	7	40	33	17
	Среднее	12	29	44	8
	Плохое, очень плохое	27	29	36	3
Образование	Начальное или неполное среднее	42	32	17	3
	Среднее	17	33	41	4
	Среднее специальное	13	28	47	6
	Незаконченное высшее, высшее	7	27	44	18

Причем, если в конце 1990-х гг. одной из самых актуальных исследовательских задач было его обнаружение в России, то сегодня уже практически для всех стало очевидным наличие достаточно многочисленных групп и слоев, которые по своему образу и стилю жизни приближаются к общепризнанным стандартам среднего класса. Изменилась и роль этих групп в общественной и политической жизни страны. В 1990-е гг. средние слои практически не оказывали влияния на динамику экономических и политических изменений в стране, и, соответственно, в расчет власти не принимались, с приходом же к власти В. Путина именно эти группы становятся оплотом постельцинской стабилизации и костяком того, что принято называть «путинским большинством».

Демонстрируемая представителями среднего класса уверенность в своих возможностях зиждется, как уже отмечалось, прежде всего, на наличии у многих из них так называемого «человеческого капитала» (высокий уровень образования, квалификация, опыт, возможности личной

самореализации, интересная работа и т.п.). Хотя нередко порождается феномен так называемой «статусной непоследовательности», когда люди, получившие хорошее образование, достигшие определенных результатов в своей деятельности и, как следствие, обладающие сравнительно высокой субъективной самооценкой, вынуждены тем не менее, прилагать огромные усилия и растрчивать свою силу на поддержание более или менее приемлемого уровня жизни себе и своей семье. Предпочитая при этом коллективным формам социального действия, включая протестные, сугубо индивидуальные формы социальной адаптации и борьбы за свои права. В этом смысле, новые российские буржуа больше напоминают американцев, чем европейцев, где люди, по мнению К. – Лэша, жертвуют солидарностью ради иллюзорной надежды на успех. «Американцы держатся за совершенно далекое от реальности представление об обществе, как лестнице, забраться вверх по которой может надеяться любой, обладающий энергией и честолюбием, хотя давно уже очевидно, что те, кто забрался по ней, втянули лестницу за собой»¹¹.

Как мы видим, для многих россиян сегодня свойственны аналогичные настроения. И именно здесь пролегал одно из ключевых противоречий сегодняшней России. С одной стороны, сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. А, с другой — имеет место такая индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о каких бы то ни было солидарных, совместных действиях, а также об осознании общности групповых интересов не приходится. Это, безусловно, находит свое отражение и в политической жизни страны, чего нельзя сказать, например, о тех же США, где индивидуальная самореализация вполне органично сочетается с широким размахом общественной самодеятельности разного рода общественных инициатив, волонтерства и т. п.

В последние годы, особенно с приходом к власти В. Путина, возникло такое явление, которое можно определить как «новый конформизм», когда поколение, активно участвующее в экономической жизни, в значительной степени смирилось с тем, что любая политическая деятельность бесполезна и наилучшей жизненной стратегией является организация в своем непосредственном окружении социальных, экономических ниш, в которых они ощущают себя более или менее комфортно. В такого рода реакции нет ничего необычного. Как отмечают многие исследователи, в ситуации кризисного ослабления интеграции и социальной защищенности на передний план обычно выходят именно такие формы реагирования. В частности, как отмечает Н. Ф. Наумова, одним из видов подобной реакции является стремление к сугубо

¹¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс. 2002. С. 47.

индивидуальной (не групповой, слоевой, коллективной) вертикальной мобильности и к социальному выживанию («каждый сам за себя, один Бог за всех»). Причем, это стремление, по мнению автора, реализуется в весьма широком диапазоне — от прямого криминального поведения до развернутых форм предпринимательской деятельности¹².

С этой точки зрения трудно не согласиться с В. Федотовой, в том, что в условиях, когда большинство россиян значительную часть своей жизненной энергии вынуждено тратить на поддержание более или менее приемлемого уровня жизни, говорить о свободном демократическом обществе очень сложно. Прежде всего, в том смысле, что именно демократия, ее институты и процедуры и призваны особенно на этапе перехода «микшировать» удар капитализма, вооружать граждан законными способами и инструментами борьбы за свои права и интересы. Но этого, как известно, не произошло ни в 1990-е гг., ни сейчас, и в силу этого граждане вынуждены рассчитывать прежде всего на свои силы. Отсюда — широкое распространение так называемых неправовых практик, а проще говоря, использование не вполне законных, а зачастую и вовсе незаконных способов достижения тех или иных жизненных целей, когда люди зачастую просто не видят возможности и не понимают, как, каким образом конвертировать знания, опыт, навыки, приверженность моральным ценностям в материальный достаток и карьерный рост.

На сегодняшний день можно констатировать, что разрыв между этическими установками и требованиями социальной среды — это, пожалуй, одно из главных препятствий роста социальной активности россиян в самых разных сферах и областях жизни. Долгое время казалось, что такие качества людей, как долг, скромность, нестяжательство, коллективизм — это парадные ценности советской эпохи, своеобразная политкорректность и мимикрия по-советски, за которыми в действительности скрываются истинные эгоистичные в своей основе мотивы социальной деятельности. Сегодня выясняется, что это далеко не так. Значительное число россиян (52%) и в настоящее время продолжают придерживаться точки зрения, что для них важнее честно прожитая жизнь и даже ради достижения успеха они не переступят через собственные моральные принципы. Чуть меньше, но также достаточное число опрошенных (40%), полагая, по всей видимости, что традиционные российские добродетели сегодня, что называется, не в моде, соглашались с тем, что в современном жестоким мире нельзя руководствоваться исключительно моральными принципами, а нужно действовать сообразно обстоятельствам. Причем, чем моложе респонденты, тем чаще они придерживаются этой точки зрения (см. рис. 4).

¹² См.: Наумова Н.Ф. Рецидивизирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под ред. В.Н. Садовского и В.А. Ядова. М., 1999. С. 107.

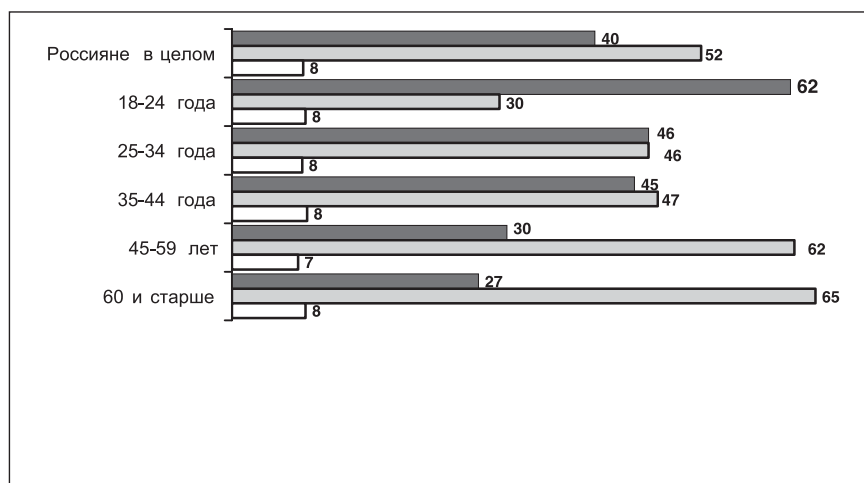

Рис. 4. Существуют разные точки о том, как нужно относиться к тому, соблюдают люди или нет общепринятые морально-нравственные нормы. С какой из нижеперечисленных точек зрения вы скорее согласны?, (%)

Это говорит о том, что жизнь среди хаоса 1990-х наложила серьезный отпечаток на социально-психологический климат в стране. Почти каждый третий россиянин испытывал в конце прошлого — начале нынешнего века состояние страха, тревоги, пессимизма, неуверенности; каждый пятый — чувство разобщенности с окружающими его людьми. В последние годы ситуация начала выправляться, тем не менее, социально-психологическая реабилитация общества займет много времени. А пока приверженность многих россиян моральным ценностям подвергается большим испытаниям.

Именно это отличает Россию от Запада, где принятие принципов гражданской морали (*civic morality*) носит повсеместный характер и обусловлено, в том числе эгоистическими соображениями, пониманием того, что законопослушание и принятие общепринятых норм — мощный ресурс социальной мобильности. «Только исполняя набор определенных инструкций, действуя (играя и работая) по правилам, классический представитель американского среднего класса, — по мнению В. Эшпая, — обретает все свои богатства и свободы¹³». Это, конечно, преувеличение, поскольку всем социологам известен феномен заметной дистанции между вербальным и реальным поведением. Тем не менее исследования в Европе и Америке показывают наличие высокого уровня корреляции между принятием общепризнанных ценностей и реали-

¹³ Эшпай В. Возвращение пуритан // Космополис. 2003. № 2(4). С. 40.

зацией успешных практик. Этого нельзя сказать о современной России, где нет не только подобной корреляции, но не обнаруживается и зависимости между опытом, квалификацией, занятиями людей и их материальным и социальным положением. Характерно, что лишь около 40% респондентов считают, что доходы и профессиональная карьера зависят от уровня образования, знаний, опыта работы и т.д., тогда как 55-57% такой зависимости не обнаруживают (см. рис.5).

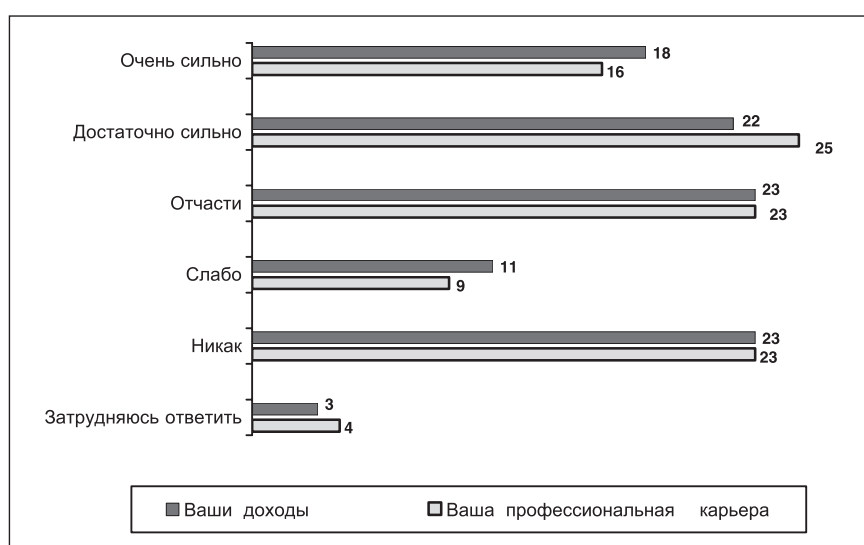

Рис. 5. «В какой степени от ваших профессионально-квалификационных навыков зависят...», (%)

Было бы, однако, явным преувеличением считать, что любая активная деятельность в современной России заведомо аморальна, и наоборот, что носителями моральных устоев выступают исключительно инертные и апатичные люди. Хотя, конечно, нельзя не признать, что градус морального релятивизма у первых выше, чем у вторых. С этой точки зрения для России, как любого демократически организованного общества, крайне важны и ценны и активно ориентированные группы, и те, кто склонен реализовывать более спокойную и традиционную модель самореализации. А значит, необходим баланс, определенная система сдержек экспансии сугубо рациональных установок и мотиваций инициативных групп, с одной стороны, а с другой — избыточного влияния конформистского мировосприятия, свойственного вторым. Здесь нельзя не согласиться с оценкой соотношения активности и пассивности применительно, например, к политической сфере, данной в свое время Г. Алмондом и С. Вербой, в соответствии с которой актив-

ность и рациональность одних должны быть обязательно уравновешены пассивностью, традиционностью и обязательствами по отношению к локальным ценностям других¹⁴.

Вопрос заключается в том, как такой баланс обеспечить на практике, как совместить часто разнонаправленные интересы людей. Ни для кого не секрет, например, что у большинства наших сограждан есть потребность в материальном достатке, но при этом способы достижения этих целей заметно дифференцируются. Так, сравнительно немного тех (хотя их число за последние 7 лет выросло почти вдвое — с 6 до 12%), кто хотел бы заниматься частным предпринимательством на свой страх и риск. Большинство же (54%) хотели бы иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне. А еще 26% — много работать и хорошо получать здесь и сейчас, даже без особых гарантий в будущем. И лишь 4% опрошенных стремятся к «вольной жизни» — небольшому заработку и свободному времени, которое можно использовать так, как хочется. Причем за 12 лет каких-то заметных изменений в предпочтениях россиян по данному вопросу не зафиксировано (см. рис. 6).

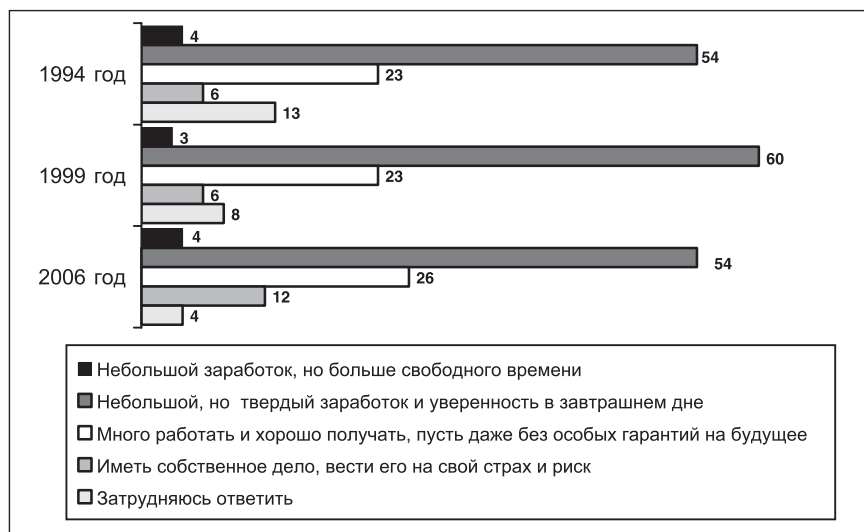

Рис. 6. Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать ...!

Показательно, что позиция мужчин и женщин в данном вопросе несколько различна. Так, российские женщины больше ориентированы на небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем

¹⁴ Almond G., Verba S. The Civic Culture Revised. Boston, 1980. P. 30.

дне (59%), в то время, как мужчины, чаще чем женщины, готовы без гарантий на будущее много работать и хорошо зарабатывать (32%).

«Градус рискованности» и материальных притязаний респондентов снижается соответственно увеличению их возраста и уменьшению уровня образованности. Так, готовы к самостоятельному ведению дел наиболее уверенные в себе молодые и образованные россияне (30 и 16% соответственно), а вот пожилые или малообразованные предпочитают небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (70 и 68% соответственно). Представители среднего возраста и уровня образованности занимают, соответственно, промежуточную позицию.

В целом можно констатировать, что у большинства россиян нет каких-то особых, завышенных притязаний к уровню и качеству их жизни, а также возможностям самореализации. При этом сформировались достаточно многочисленные группы, ориентиром для которых являются западный уровень и качество жизни (см. табл. 3).

Таблица 3. **Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать ...!**

		Небольшой заработок и много свободного времени	Твердый заработок	Много работать и хорошо получать	Иметь собствен- ное дело
Пол	Мужчины	3	47	32	13
	Женщины	4	59	21	10
Возраст (лет)	18—24	4	31	33	30
	25—34	3	44	36	15
	35—44	2	51	34	11
	45—59	4	63	22	8
	60 и старше	4	70	11	1
Образование	Начальное, неполное среднее	3	68	11	2
	Среднее	3	54	26	12
	Среднее специальное	5	52	29	11
	Незаконченное высшее, высшее	2	49	29	16

Как видно из приведенных данных, у различных групп и слоев населения свое представление о качестве жизни и способах его изменения в лучшую сторону. В этих условиях крайне важным представляется, во-первых, признание фактора многообразия России, многоукладности, многосоставности ее социальной структуры и, во-вторых, не декларативное, а реальное обеспечение гражданам такой свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную си-

стему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

Любопытную модель свободы выбора, адекватную условиям современной России, а главное, представлениям многих наших сограждан о собственных возможностях при активном участии государства, предложил А. Рябов. «Хотите работать в наиболее современных и передовых компаниях, очень много работать и много получать — государство гарантирует условия для нормального функционирования этих компаний и возможность устройства в них. Хотите быть хозяевами собственной судьбы и как можно меньше зависеть от государства, и от крупного бизнеса, и от кого-либо еще — занимайтесь собственным мелким предпринимательством, будь то мастерская по ремонту бытовой техники или частное такси. Государство и здесь позаботится о защите вашего бизнеса от произвола жадных чиновников и лихоимства гангстеров. Ну, а если капитализм вам не по душе, государство подумает и о том, как создать небольшое количество предприятий или сельскохозяйственных коммун, работая на которых, конечно же, нужно будет забыть о сколько-нибудь высоких требованиях по отношению к существующим в обществе минимальным потребительским стандартам. Но зато некий минимум потребительских благ будет вам гарантирован и не нужно бояться завтрашнего дня, он все равно будет похож на сегодняшний и вчерашний»¹⁵.

К этому следует добавить, что точно такой же выбор должен быть в общественно-политической сфере жизни общества. Совершенно ясно, что о таком наборе вариантов россияне могут только мечтать. Сегодня главная жизненная стратегия большинства из них, как «традиционалистов», так и «модернистов», — это индивидуальная адаптация к новым условиям и обстоятельствам жизни, а главный объект внимания — работа, дом, семья. И все, что происходит за пределом непосредственной среды обитания, не вызывает особого интереса.

Между тем, как справедливо отмечает Г. Дилигенский, для любого субъекта гражданского общества типичен, прежде всего, не образ окружающих социальных обстоятельств как объекта его собственной активности, а образ «большого общества как собственного «мы», т. е. общности, с которой эти субъекты себя идентифицируют. Только в таком случае у людей может сформироваться чувство социальной ответственности, а их индивидуальное и коллективное поведение обретет подлинно гражданский, социально-легитимный характер»¹⁶.

¹⁵ Рябов А. Формула успеха российского либерализма // Политический класс. 2005. № 2 (14). С. 26.

¹⁶ Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Осень. С. 6.

Вряд ли нужно доказывать, что такие образы в массовом сознании если и представлены, то крайне размыто, а процесс формирования общегражданской идентичности и идентичности в рамках локальных обществ идет весьма противоречиво. Было бы неправильным делать на основании этого далеко идущие выводы, как Ю. Афанасьев или, например, Е. Басина, в том духе, что россиян отличает тотальное безразличие к гражданским проблемам и демократии, полное нежелание и неспособность взять на себя ответственность за то, что происходит в стране, и потому есть больше оснований называть само российское общество населением, чем сообществом граждан¹⁷.

Прежде всего, исследования не подтверждают отсутствия у россиян чувства гражданственности, также, как и отсутствия стремления найти в окружающем мире себе подобных, в том числе разделяющих те же ценности и идеалы, что и они. Это стремление, кстати говоря, является важнейшим стимулом любой активности, в том числе и политической. Но этот стимул работает тогда, когда общность тех или иных устремлений сопрягается с реализацией каких-то социально-значимых групповых и/или индивидуальных интересов. Вот этой «смычки» в российской общественной жизни, как правило, не происходит. Отсюда — крайняя затрудненность выхода за пределы повседневности, с одной стороны, и серьезные проблемы в межличностном общении и в отношении доверия к общественным и государственным институтам. Так, на вопрос о том, «Кому они в наибольшей степени склонны сегодня доверять?», были получены вполне предсказуемые ответы — членам своей семьи, родным, близким (83%), друзьям (54%). Примерно каждый шестой склонен доверять коллегам по работе (17%), людям с близкими взглядами, интересами (17%), тем, кто имеет те же проблемы (14%). И практически нет доверия у россиян к власти в целом и к отдельным политическим и общественным деятелям (см. рис. 7).

Иначе говоря, всем, кто выходит за пределы «ближнего круга», россияне не склонны доверять. Сказывается также постепенная утрата современным российским государством субъектности, проявляющаяся, прежде всего, в его фактическом отказе от многих социальных обязательств, в превращении государственного аппарата в самодостаточную корпорацию, ориентированную преимущественно на реализацию собственных интересов. Это порождает прогрессирующее отчуждение граждан от государства, подрывает основы гражданского участия, поскольку такое участие в принципе невозможно в «бес-субъектной» среде, вне и помимо общения с государством. Сложившиеся на сегодняшний день отношения между государством и обществом по принципу «вы нас не трогайте, и мы вас трогать не будем» формально

¹⁷ Басина Е. Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. 1997. Осень. С. 100.

Рис. 7. «Кому Вы в наибольшей степени склонны сегодня доверять!»

можно считать рациональными, прагматическими, но, по сути, они носят характер перманентного торга.

Неслучайно поэтому сегодня в иерархии наиболее ценимых качеств в людях активность и инициативность не тождественны готовности к участию в решении общих дел, а чувство долга — ответственности за то, что происходит в стране. Это свидетельство не только девальвации такого понятия, как гражданственность, но и показатель того, что участие в делах страны в настоящее время перестает играть роль фактора, определяющего характер и модель реального поведения.

Впрочем, исследования фиксируют и прямо противоположные тенденции. Вопрос заключается в том, какая тенденция в конечном счете возобладает. Это будет зависеть от множества факторов, в том числе и от того, «вернется» ли государство в социальную сферу, будет ли обеспечено пространство свободы, в смысле роста реальных возможностей каждому человеку выбирать жизненные стратегии в соответствии с собственными представлениями о том, что для него является важным. Это, с одной стороны, а с другой, — удастся ли россиянам преодолеть собственную политическую апатию и оказывать на власть влияние, необходимое для того, что бы оно, наконец, повернулось лицом к обществу.